

Александр Иванович Куприн

Перевал

Лазурные берега

Александр Куприн

Перевал

«Public Domain»

1912

Куприн А. И.

Перевал / А. И. Куприн — «Public Domain», 1912 — (Лазурные берега)

«Вечером показались горы. Поезд с трудом карабкается вверх. Мы приближаемся к перевалу через Альпы. Налево, в глубине тысячи или полуторы сажен, чуть видны крыши деревень, крытых красной марсельской черепицей. Фруктовые сады не больше, чем капустная рассада, а лошади и коровы – точно тараканы. А направо, на огромной крутой скале, торчит замок какого-то барона, с башнями, бойницами, сложенный из тяжелого местного камня...»

© Куприн А. И., 1912

© Public Domain, 1912

Александр Иванович Куприн

Перевал

Вечером показались горы. Поезд с трудом карабкается вверх. Мы приближаемся к перевалу через Альпы. Налево, в глубине тысячи или полуторы сажен, чуть видны крыши деревень, крытых красной марсельской черепицей. Фруктовые сады не больше, чем капустная рассада, а лошади и коровы – точно тараканы. А направо, на огромной крутой скале, торчит замок какого-то барона, с башнями, бойницами, сложенный из тяжелого местного камня. Для меня очевидно, что лошади не могли втащить такую громадную тяжесть наверх. Могли бы это сделать выносливые железноногие мулы или кроткие, терпеливые, умные ослы. Но ни тех, ни других в этих местах не водится. Стало быть, это сделали люди.

Эти помещения совсем неудобны для жилья, в них полы из камня, точно булыжная мостовая, нет окон, и даже днем никогда не бывает свету. И мне кажется, что до сих пор сохранился в этих замках, похожих одновременно и на церковь, и на тюрьму, и на разбойничье жилище, запах крови и человеческих экскрементов. За одну крону вы можете обозреть этот замок, увидеть старого преданного Иоганна (кажется, есть фабрика, где их делают на заказ), услышать от него историю с привидениями, а также сплетню о том, что титулованный владелец замка теперь женится на дочери американского свиного короля.

В два часа ночи мы на вершине Земмеринга, в полосе вечных снегов. Дамы кашляют и чихают. Очень утомительны туннели. Поезд врывается в него, и ты сразу глхнешь от перемены воздушного давления, задыхаешься от запаха каменного угля; потом поезд выскакивает из туннеля, и ты опять глхнешь от притока свежего воздуха.

Ночь. Сон. А утром вдруг совершается чудо. Поезд бежит стремглав вниз, а навстречу ему бежит веселое южное небо, бегут апельсиновые и лимонные деревья, отягощенные плодами, цветущие олеандры, рододендроны и камелии, и, что всего слаще, – ты не перестаешь обонять аромат каких-то диких прелестных трав или цветов. Да и дорожные спутники стали такими, точно их кто-то подменил за ночь. Смуглый, грязный, веселый итальянец, с античным профилем, обтирает рукавом горлышко пузатой бутылки с красным вином и добродушно протягивает мне. И как радостное приветствие на незнакомом мне языке звучит его вопросительное: «Э?»

Французская граница, итальянская граница. Черномазые мальчишки каким-то верхним чутьем угадывают в вас русского и насильно суют вам в руки поддельного Герцена, апокрифического Пушкина и толстейший том собраний сплетен об императорских дворах. Но на это нельзя сердиться. Это – след нашей многострадальной русской эмиграции. Отвратительная скала Монте-Карло. Прелестное цветущее побережье. И вот мы в Ницце.